

УДК316.356.4(470.43)

doi10.17072/2219-3111-2020-4-127-138

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И КОНФЕССИИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

Е. А. Ягафова

Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67
yaгаfova@yandex.ru

Рассмотрено влияние этнического и религиозного факторов на межэтническое взаимодействие в Самарском Заволжье во второй половине XIX – начале XX в. Межэтнические контакты анализируются с учетом национального и конфессионального состава населения региона, характера расселения в смешанных селениях и «кустах» селений. Исследование базируется на архивных и опубликованных источниках, в том числе на статистических данных, а также полевых материалах автора (Самарская область, 1997–2018). Установлено, что межкультурное взаимодействие в Самарском Заволжье исторически определялось не только этническими, но и в значительной степени религиозными различиями контактирующих групп. Основной площадкой для общения, варьировавшегося от взаимной вражды и социокультурной изоляции до ассимиляции одной общности другой, являлись этнически и конфессионально смешанные селения. Ведущую роль в межконфессиональных отношениях играли православие и ислам, которые выступали фактором консолидации этнических групп в рамках конфессий и одновременно причиной разрушения этнических «границ», формирования надэтнических социокультурных пространств (храм, кладбище, сельское поселение, социальные и производственные объекты в селе, семейно-родственный круг, общие праздники и обряды и т.д.). В целом религиозный фактор, с одной стороны, вызывал ассимиляционные процессы (русификацию мордвы и чувашей, отатаривание чувашей), с другой стороны, вносил раскол в этнические общины, члены которых принадлежали к разным конфессиям (православные, старообрядцы, молокане, язычники, мусульмане и др.). Эти закономерности влияния религиозного фактора на развитие межэтнических отношений актуальны и в современности.

Ключевые слова: этнические группы, конфессии, межэтнические отношения, Самарское Заволжье.

Введение

Аграрное освоение Самарского Заволжья в XVII–первой половине XIX в. сопровождалось миграцией этнических групп (русских, татар, чувашей, мордвы, украинцев, немцев и др.) и возникновением разнообразных контактов между ними в производственной, социально-бытовой, религиозно-обрядовой сферах жизни. Усложнение этнического и конфессионального состава населения региона во второй половине XIX – начале XX в. актуализировало наряду с этническим религиозный фактор в историко-культурных процессах в крае. Цель данной статьи – определить влияние этнического и религиозного факторов на межэтнические контакты в Самарском Заволжье во второй половине XIX – начале XX в. Задачами исследования являлись характеристика этноконфессионального состава населения региона, анализ особенностей расселения этнических групп и конфессий в смешанных селениях и «кустах» селений, роли этнических и конфессиональных различий в межкультурных взаимодействиях в Самарском Заволжье.

Теоретико-методологические подходы к изучению межэтнических отношений и отдельные аспекты этой темы разработаны в трудах зарубежных (Ф.Барт [Барт, 2006], П. Бурдые [Бурдые, 2005], Р. Брубейкер [Брубейкер, 2012] и др.) и отечественных (С.А. Арутюнов [Арутюнов, 1989], Ю.В. Бромлей [Бромлей, 1983], В.В. Пименов [Пименов, 1979], В.И. Козлов [Козлов, 1999]) ученых, в том числе в рамках этносоциологического направления (Ю.В. Арутюнян [Арутюнян, 1972], М.Н. Губогло [Губогло, 2003], Л.М. Дробижева [Дробижева, 2003], А.А. Сусоколов [Сусоколов, 1987] и др.), при исследовании проблем этничности и этнической идентич-

ности (В.А. Тишков [Тишков, 2003] и др.). Исторический опыт и современные этнокультурные контакты населения региона рассматривались А. Каппелером [Kappeler, 1982], Т.С. Гузенковой [Гузенкова, 1983], К.И. Козловой [Козлова, 1976], А.Д. Коростелевым [Коростелев, 2005, 2007, 2009, 2010], Р.Г. Кузеевым [Кузеев, 1992]. Вопросы межэтнических и межконфессиональных отношений в Самарском Заволжье затрагивались в работах Т.И. Ведерниковой [Ведерникова, 2012, 2016], Е.С. Данилко [Данилко, 2010], А.Н. Демидова [Демидов, 2018], Г.А. Корнишиной [Корнишина, 2010], Е.В. Тюганковой [Тюганкова, 2014] и других авторов. Опыт изучения отдельных аспектов темы, в частности, особенностей локальных контактов этнических групп в смешанных селениях, представленный в работах этих авторов, определил методологические подходы в настоящем исследовании. Другой важной составляющей методологии стала концепция «этнических границ», обоснованная Ф.Бартом и предполагающая выявление факторов формирования и поддержания этнокультурной идентичности контактирующих групп и существующих между ними «этнических границ» [Этнические группы..., 2006]. В рамках данной статьи основное внимание уделено эмпирической характеристике этнических границ в контактных зонах в сельской местности Самарского Заволжья.

Источниковую базу исследования составили архивные, музейные и опубликованные материалы, в том числе статистические данные, а также полевые материалы автора (Самарская область, 1997–2018; Оренбургская область, 2000). Они позволили определить этнический и конфессиональный состав населения Самарского Заволжья в указанный период, выявить зоны и локусы межэтнического взаимодействия, охарактеризовать этноконфессиональную ситуацию в этнически смешанных селениях и соотношение этнического и религиозного факторов в процессе взаимных контактов этнических групп.

Этнический и конфессиональный состав населения Самарского Заволжья в XVIII–XIX веках.

В Самарском Заволжье исторически контактировали разные не только этнические группы, но и конфессии – христиане (православные, старообрядцы, духовные христиане, протестанты), мусульмане, язычники. Так, большинство русских исповедовали православие, однако с XVIII в. в крае появились старообрядцы и духовные христиане, причем эти же группы были представлены в среде мордвы. Чуваши принадлежали к трем конфессиям: православию (подавляющее большинство), язычеству и исламу. Численность последних двух религиозных общин составляла на рубеже XIX и XX в. 7,7 % от общей численности самарских чувашей. Однако значительная часть чувашей-христиан фактически придерживалась языческих верований. Мусульманская община в Самарском крае была представлена в основном татарами и башкирами, но среди татароязычного населения выделялась группа православных кряшен. С переселением в край немцев, поляков, эстонцев, литовцев, латышей со второй половины XVIII в. появились конфессии католиков, меннонитов, лютеран и других протестантов. Процентное соотношение этноконфессий в Самарском Заволжье на рубеже XIX и XX в. представлено в табл. 1.

Большинство жителей губернии (77,34%) были православными. На долю мусульман приходилось 10,5%, лютеран – 5,68%, старообрядцев – 3,54%, католиков – 2,09%; другие конфессии составляли менее 1% населения региона (Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. IV–V). По сравнению с серединой XIX в. в губернии снизилась доля православных (с 83,91% в 1859 г.), но заметно увеличилась доля протестантов (с 3,76%), что было связано с переселением в Самарский уезд в конце 1850-х – начале 1860-х гг. немцев-меннонитов (Лясковский, 1860, с. 59).

Подавляющее большинство православных и единоверцев составляли русские (79%), на долю мордвы приходилось около 11%, украинцев (малороссов) – 5,6%, чувашей – 4,1%. Старообрядчество было распространено также в основном среди русских (95,2%) и мордвы (4,3%). Подавляющее большинство католиков составляли немцы (95%); к этой конфессии принадлежали также поляки (3,2%), литовцы и латыши (1,2%).

Протестанты были представлены лютеранами, реформаторами, баптистами и меннонитами – в основном этническими немцами, хотя среди лютеран встречались эстонцы (чуть более 1% численности приверженцев данного направления). Иудаизм исповедовали евреи, в том числе, вероятно, русскоязычные, а ислам – татары, башкиры, тептяри, мещеряки; число представителей других этнических групп, придерживающихся этих религий, невелико. Доля относящихся к иным конфессиям составляла около 0,2% от общей массы населения (см. табл. 2; Первая

Всеобщая перепись..., 1904, табл. XIV). Вместе с тем, как будет показано, некоторые из них, в частности, язычники, разного рода «сектанты» и мусульманские меньшинства, выделялись на фоне общей этноконфессиональной ситуации в регионе.

Таблица 1

Этнический и конфессиональный состав населения* Самарской губернии по переписи 1897 г.**, %

Народ	Конфессия								Всего
	Православные и единоверцы	Старообрядцы	Мусульмане	Католики	Лютеране	Ост. христиане	Иудеи	Ост. нехристиане	
Русские	94,95	4,95	-	-	-	-	0,1	-	68,89
Турецко-татарские народы? (<i>татары, чувашаи и др.</i>)	23,45	0,25	75,4	-	-	-	-	1,15	13,92
Финские народы (<i>мордва, эстонцы и др.</i>)	97,35	1,75	-	-	0,8	-	-	0,1	8,82
Немцы	0,1	-	-	24,35	75,55				8,16
Поляки	5,7	-	-	93,7	0,6	-	-	-	0,07
Литовцы, Латыши	1,75	-	-	81,05	17,2	-	-	-	0,04
Другие									0,1
Итого к общей численности населения губернии	77,34	3,54	10,5	2,09	5,68	0,58	0,09	0,18	100

Примечание: * Учтены наиболее многочисленные этнические сообщества

** Таблица составлена по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. IV–V)

Наибольшее число приверженцев разных направлений старообрядчества (единоверцев, беспоповцев и др.) и сектантов (молокан, духовных христиан, хлыстов, скопцов и др.) было в Николаевском, Самарском, Бугурусланском и Бузулукском уездах (Список..., 1890, с. 13). Почти половина (45%) «раскольников» губернии проживала в Николаевском уезде, чуть более 19% – в Самарском уезде (Сводный сборник..., 1892, с. 16). Последователями «раскольнических сект» являлись в основном русские и мордва, при этом первые охотнее придерживались молоканства и субботничества, а вторые – других сект (Список..., 1890, с. 13).

Таблица 2

Численность этнических групп и конфессий в Самарской губернии в конце XIX в. по переписи 1897 г., чел.

Группы по родному языку	Конфессия													Всего		
	Православные и единицы	Старообрядцы и участники от присоединения	Армяно-григорянские католики	Римско-Католики	Литеране	Реформаторы	Кипиты	Мennonиты	Англичане	Остальные христиане	Карамы	Иудеи	Магометане		Буддисты и лямаисты	Остальные нехристианские
Великороссы	1680823	92801	9	143	290	10	457	10	2	144	28	985	131	-	5	1775839
Малороссы	118724	467	-	97	3	-	-	1	-	9	-	-	-	-	-	119301
Белорусы	376	5	-	36	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	418
Немцы	312	25	-	54623	153726	10875	143	4594	-	6	-	30	-	-	2	224336
Мордва	234386	4199	-	-	1	-	-	10	-	2	-	-	-	-	-	238598
Вотяки	1848	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	264	2118
Эсты	118	-	-	12	1898	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3	2029
Татары	2437	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	162739	1	2	165191
Башкиры	48	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	57785	-	-	57242
Мещеряки	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6567	-	-	6580
Тепляри	34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	47648	-	-	47684
Чуваши	87191	6	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	57	-	4583	91839
Литовцы и латыши	17	-	-	667	148	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	837
Поляки	108	-	-	1819	13	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1940
Евреи	171	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1598	-	-	-	1669
другие	1121	2	32	88	30	-	-	-	2	12	-	-	13728	-	5	15715
Итого	2127726	97522	41	57485	156112	10890	605	4616	4	173	28	2613	288655	1	4864	2751336

Примечание: Таблица составлена по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (Первая Всеобщая перепись..., 1904, табл. XIV).

Этнически и конфессионально смешанные селения в Самарском Заволжье на рубеже XIX и XX века

Наиболее интенсивно межэтнические контакты возникали в этнически и конфессионально смешанных селениях. В конце XIX в. в Самарской губернии существовало 86 русско-мордовских селений, 52 русско-украинских, 46 русско-чувашских, 10 чувашско-мордовских, по 8 русско-чувашско-мордовских и русско-мордовско-украинских. Большинство их было моноконфессиональным – православным, но в части селений (около 12%) жили также представителями других конфессий – в основном так называемых «сектантов» и «раскольников»: старообрядцев различных согласий и толков (единоверцев, беглопоповцев, верующих поморского толка, часовенного, спасового согласия, рябиновцев и др.), сектантов (молокан, евангельских христиан, духоборов и др.). Сектанты и раскольники соседствовали с православными соплеменниками и в моноэтнических селениях – в 186 русских и 12 мордовских. Конфессионально смешанными были и некоторые селения немцев – здесь проживали в разных соотношениях лютеране с католиками, православными, баптистами и меннонитами. В 14 чувашских селениях соседствовали православные и язычники, а в 1 – и мусульмане (Список..., 1900).

Большинство селений мусульман (татар, башкир, тептярей и мешеряков) были моноэтническими, но в 47 селениях Бугульминского и Бугурусланского уездов совместно проживали татары и тептяри, а в 22 – башкиры и тептяри. Тептяри оказывались ближайшими соседями татар и башкир вследствие особенностей образования групп – они были припущенниками, поселившимися на башкирских землях. На условиях аренды башкирские земли были заселены и татарами. Уже в середине XIX в. отмечалось, что «в Бугульминском уезде между башкирами и татарами нет никакого видимого различия по образу жизни и промыслам» (Лясковский, 1860, с. 74).

Сложная ситуация складывалась в селениях, состоявших из двух и более этнических и конфессиональных групп. Так, православные и мусульмане соседствовали в 9 русско-татарских селениях, 3 чувашско-русских и одном мордовско-татарском. В этнически смешанных селениях встречались и единичные случаи совместного проживания православных с мусульманами и сектантами / раскольниками (2 селения), православных с католиками и лютеранами (1), православных с мусульманами (3), а также с язычниками (4). В последних двух случаях соседями являлись чуваша, татары, русские, башкиры и удмурты. Православные и язычники проживали в 2 русско-чувашских и 2 чувашско-мордовских селениях (Список..., 1900).

Этническое и конфессиональное разнообразие отражалось на смешанном составе населения в пределах волостей и церковных (православных) приходов. Так, чуваша состояли в одном приходе с русскими в 17 приходах, с мордвой – в 6, с русскими и мордвой – в 5, с русскими и крещеными татарами – в 2, с удмуртами – в одном (Ведомость..., 1900, с. 22–23).

Сложный этнический и конфессиональный состав населения Самарской губернии обусловил характер культурного взаимодействия в регионе, в котором религиозный фактор определял его формы, механизмы, влиял на интенсивность межэтнических контактов.

Этнические группы и конфессии: опыт взаимодействия

Православие как общая конфессия способствовало контактированию русских, мордвы, большинства чувашей, украинцев, татар-кряшен, заключению межэтнических браков, сложению единой конфессиональной идентичности, определило ассимиляцию (русификацию) указанных этнических групп в XX в. Вот как описан этот процесс в одном из очерков середины XIX в.: «Браки между Мордвой и Русскими весьма часты. Мордовка, вышедшая за русского, оставляет все свое народное одеяние, напротив того Русская, вышедшая за мордвина, ходит по-прежнему в русском сарафане. Само собой разумеется, что дети в том и другом случаях скорее русские, чем мордва... Религия не мешает бракам между русскими, Мордвами и Чувашами, и я видел селения, где мордва потеряла почти все признаки своей народности от одних только браков с Русскими, не говоря уже о следующем поколении. Так же, как я слышал и читал, происходит от браков Чуваш с Русскими» (Соловьев, 1859, с. 204, 245). В другом очерке того же времени относительно мордвы отмечалось, что «в некоторых селениях они до того обрусели, что почти утратили свой язык» (Лясковский, 1860, с. 61). Например, в с. Большая Каменка Самарского уезда (современного Красноярского района Самарской области) в результате трехсотлетнего (с середины XVIII в.) русско-мордовского соседства произошло полное обрусение морд-

вы; о мордовском происхождении части жителей напоминают только некоторые топонимические названия («Мордовский конец») и реликты в материальной и духовной культуре [Демидов, 2018]. Ассимиляционные процессы у мордвы, продолжавшиеся в течение XIX–XX вв. [Мордва Заволжья, 1994, с. 173–175], были более активными, чем у чувашей.

Сближение этнических групп в рамках православной конфессии было обусловлено сменной религиозной принадлежностью мордвой и чувашами в ходе христианизации в XVIII – начале XX в. У мордвы процесс протекал быстрее, и уже в официальной статистике XIX в. мы не находим данных о язычниках, хотя еще в середине XVIII в. в Ставропольском уезде их насчитывалось около 1100 чел. [Тюганкова, 2014, с. 47]. Большинство чувашей, пережив несколько этапов обращения в православие, приняли христианство, хотя продолжали практиковать языческие обряды вплоть до 1930-х гг., а малая часть чувашей, не будучи крещена, придерживается традиционной веры (*чйваштёнё*) до настоящего времени [Ягафова, 2007].

Контакты чувашей с русскими и мордвой имеют длительный характер; уже со времени заселения Самарского Заволжья в XVIII в. здесь возникают смешанные селения – первоначально чувашско-мордовские, а впоследствии чувашско-мордовско-русские. Наиболее показательны в этом плане восточные уезды губернии – Бугурусланский и Бузулукский. На северо-востоке Самарской губернии чувашаи проживали совместно с мордвой в 6 деревнях, причем в 4 из них – с мордвой и русскими (РГИА. Ф. 379. Оп. 1. ДД. 622, 624), и в 27 волостях (Статистические таблицы..., 1870). Наряду с русскими мордва оказывалась ближайшим соседом чувашей и в XIX в., что отличало Самарское Заволжье от других регионов (Приволжья, Южного Урала), в которых преобладало соседство чувашей с татарами [Kappeler, 1982, с. 492–493]. Смешанные селения этих этнических групп составляли почти половину всех населенных пунктов Самарского Заволжья [Ягафова, 1998, с. 97]. В XX в. чувашаи соседствовали с мордвой в 7 селениях Заволжья, причем в 4 из них проживали также русские, а в одном – и татары [Иванов, 2005, с. 94–101, 160–161]. Соседство и тесные контакты их способствовали формированию сходных элементов культуры. Например, женское бисерное ожерелье *чёнтьрлёбузулукских* чувашей напоминало мордовский *цифкс* (РЭМ, 968–11,13); сопоставим с мордовской традицией обычай ношения множества разноцветных бус (РЭМ, 968–22,23). Ряд свадебных элементов чувашей и мордвы («печурки смотреть», украшение «девичьей красы») был, вероятно, заимствованы из русской обрядности. Сходны и некоторые другие элементы свадебной (например, «плата за молоко», «хождение за водой», «поиски ярки»), а также похоронно-поминальной (одаривание участников обряда, использование металлических предметов для очищения после контакта с покойным, сроки поминовения и т.д.) обрядности. Аналогии наблюдались и в структуре обрядового календаря (ПМА 2) [Зорин, 2001, с. 69,117; Мордва Заволжья, 1994, с. 106–117].

Вместе с тем процесс восприятия чувашами христианства был длительным, и даже продолжительное соседство с православными русскими нередко не препятствовало сохранению «языческих» обычаев, а в отдельных случаях – переходу в ислам. В отчете миссионерского общества за 1901 г. отмечалось, что, за исключением мордвы, стремящейся к обрусению и усвоению христианства, остальные группы «не оставляют прежних языческих и мусульманских верований и обрядов и живут двоеверно», что даже в селениях, где чувашаи живут смешанно с русскими, «до сих пор не оставили еще своих языческих суеверий», а живущие по соседству с татарами-мусульманами «перенимают верования, обряды и даже одежду этих последних и т.о. живут больше по-мусульмански, чем по-христиански» (Отчет Православного..., 1902, с. 81). Эти же тенденции обнаружил в середине XIX в. и Б. Лясковский: «Чувашаи ни с Русскими, ни с Мордвою не смешиваются, а придерживаются больше Татар, влияние которых отразилось как в языке чувашском, так и в женских костюмах, весьма сходных с Татарскими... Чувашаи неохотно селятся с другими племенами» (Лясковский, 1860, с. 62, 69).

Контакты с мусульманами способствовали исламизации и последующей этнической ассимиляции (отатариванию) чувашей. Случаи перехода чувашей в ислам в Самарской епархии наблюдались в чувашско-татарских селениях и чувашских деревнях, расположенных по соседству с татарскими: Ерилкино, Кульшарыпово, Новом и Старом Суркино, Старом Афонькино, Булантамаке, Абдикеево и др. Священник Шенталинского прихода Бугульминского уезда А.Скворцов сообщал в 1904 г., что из 70 чувашских семей д.Абдикеево лишь 20 живут по-

христиански, т.е. ходят в церковь, соблюдают пост, а остальные постов не соблюдают, едят мясо, в домашнем быту употребляют татарский язык и даже татарские молитвы (Отчет Самарского..., 1905, с. 3). Священник с.НикольскогоБугурусланского уезда отмечал, что «несколько семейств, благодаря своим родственным связям с татарами соседних деревень, совсем почти омульманились, и хотя не отказываются выполнять все требования христианства, но тайно соблюдают "уразу", на "байрам" или на открытие "уразы" отправляются в Булантамак к татарам, едят мясо только татарского резания, без всякого стеснения творят "намазы" и учат тому детей своих, снимают святые иконы с божниц своих, когда приезжают к ним в гости татары или башкиры» (Отчет Самарского..., 1905, с. 3–4). Аналогичные сведения священники сообщали о чувашах деревень Нижний Нурлат, Старое Иглайкино Самарского уезда, Ивановка и деревень Туарминского прихода Бугульминского уезда (Иванов, 1900, с. 173; Отчет Православного..., 1902, с. 81). Все указанные селения находились вблизи татарских деревень, что способствовало частым контактам населения, вплоть до установления брачных связей, которые мусульманами признавались действительными приприятии чувашами ислама.

Переход православных в ислам наблюдался в Самарской губернии и среди кряшен Ставропольского, Бузулукского уездов; во всех случаях инициатива была стимулирована поддержкой соседей – татар-мусульман (Иванов, 1906, с. 990; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 528, Л. 2–12).

В межэтнических контактах татар с мордвой и русскими складывалась иная модель – замкнутость этноконфессиональных общин в сфере религиозной культуры, брачных отношений, семейно-родственных контактов при общности производственных интересов. Последние возникали в случае совместной хозяйственной деятельности в поземельных общинах в исторически контактных зонах. Одной из таких зон в Самарском Заволжье является русско-татарское пограничье в среднем течении р. Кондурчи. В конце XIX – начале XX в. здесь образовалась Шламская волость, состоявшая из двух бывших русских помещичьих селений (Шламка и Краснояриха) и четырех деревень удельных и казенных крестьян – татар-мусульман и чувашей-язычников (Нижний и Верхний Нурлат, Старое и Новое Иглайкино) (Список..., 1890, с. 32). При выраженной изоляции групп в семейно-бытовой и религиозной сферах здесь развивалось интенсивное соседское общение, контакты на производственной основе, что привело ко взаимному восприятию друг друга не как «чужих», а как «других» (ПМА, 2018).

Конфессиональные различия внутри одной этнической группы, наоборот, способствовали разобщению, создавая иногда конфликтные ситуации в моноэтнической среде. Подобные случаи отмечены в регионе среди чувашей (православные, язычники, мусульмане, баптисты), русских (православные, старообрядцы, баптисты и др.), мордвы (православные, молокане, хлысты и др.). Противостояние православных чувашей и язычников (*чӑнчӑваш*) не вылилось в религиозные столкновения, но проявилось в чувстве неприязни язычников к своим крестившимся соплеменникам, которых они считали «предателями веры» (НА ЧИГН. Отд. III. Д. 182. Л. 252).

Наличие более десятка крепких и многолюдных языческих общин у самарских чувашей способствовало сохранению традиционных верований (язычества) у православных. Другим фактором сохранения «чувашской веры» выступало иноэтническое и иноконфессиональное окружение, стимулировавшее религиозную самобытность язычников (Комиссаров, 1913, с. 571); большинство чувашских деревень, жители которых до сегодняшнего дня сохранили язычество, расположено вблизи русских и татарских селений (ПМА, 1997–2018).

Обособление конфессиональных общин мордвы наблюдалось в Бугурусланском, Бузулукском, Самарском уездах Самарской губернии, где проживали представители разных сект и толков старообрядчества: «кирилловцы» (с. Савруха), «блаженные» (одно из хлыстовских учений; села Кирюшкино, Ерзовка и др.), «собеседники», «Божьи люди» (хлысты), «тилебухи», молокане (мордовские села современного Похвистневского района). Переселявшиеся из Тамбовской и Пензенской губерний мордва-молокане оседали в уже существующих селениях (села Благодаровка, Покровка Борского района, Большой и Малый Толкай, Алешкино Похвистневского района), образуя свои улицы или «концы» *пе*. Так, в с. Алешкино Похвистневского района Самарской области молокане жили на улице Пой латко (Осиновый овраг), старообрядцы с. Ново-Тепловка Бузулукского района Оренбургской области (бывший Бузулукский уезд) – на улице Вере *пе*. Иногда представители различных общин селились на одной и той же улице, но каждый на своем «конце» (куринке). В том же с. Алешкино старообрядцы имели свои «концы»

как на основных улицах, так и на Пой латко. Разделение участков для захоронения существовало и на кладбищах, хотя в подавляющем большинстве мордовских селений кладбище было единым для всех жителей, на нем выделялись отдельные участки для религиозных общин [Этноконфессиональные меньшинства..., 2010, с. 203, 207–208].

Более строгих запретов в отношении иноверцев придерживались молокане. Как отмечает Т.И. Ведерникова, «с православными молодые молокане не гуляли ни на Пасху, ни на Троицу, поскольку спиртное у них строго запрещалось» [Ведерникова, Филатова, 2016, с. 89]. Кладбища также имели свои, особые. Они располагались в отличие от православных в степи, не будучи огорожены [Ведерникова, 2012, с. 42–52].

Мордва, входившая в религиозные общины хлыстовского толка, практически не соблюдала запретов. Были распространены браки между православными и сектантами, которые не только позволяли устанавливать разнообразные бытовые связи с соседями, но и становились каналами для распространения веры [Этноконфессиональные меньшинства..., 2010, с. 174–175] – как правило, заключение брака влекло за собой смену вероисповедания у сектантов [Ведерникова, 2012, с.50]. Как отмечает Г.А. Корнишина, жители конфессионально смешанных селений в подавляющем большинстве не считали людей отличной от них веры «чужими». Невзирая на конфессиональные различия, они признавали их соплеменниками. Односельчане вместе участвовали в различных обрядовых действиях: дети и молодежь ходили колядовать на Рождество, устраивали посиделки, взрослые собирались на «беседы», приглашали друг друга на свадьбы, похороны и поминки [Этноконфессиональные меньшинства..., 2010, с. 211–213]. Дополняя эту мысль, Е.С. Данилко пишет: «В условиях небольших деревенских сообществ, состоящих из разных конфессиональных групп, однако объединенных множеством других разнообразных связей и отношений (общее владение землей, покосами, лесными угодьями, общее направление хозяйственной деятельности, общие обязательства перед органами власти и т. д.), внутрисемейные события практически всегда становились событиями общедеревенскими» [Этноконфессиональные меньшинства..., 2010, с. 174]. Формальное разрушение конфессиональных границ, «перекрещивание» в православие наблюдается в 1920–1930-е гг. под влиянием революционных событий [Ведерникова, 2012, с.52].

Сектантство и старообрядчество были распространены и среди русского населения Самарского края, и принципы территориального и этнокультурного обособления религиозных общин в русских или этнически смешанных селениях также соблюдались. Разница в образе жизни, моделях поведения служила причиной антагонизма конфессий. Так, молокан от православных отличали опрятность в быту, грамотность, предприимчивость, как следствие, материальный достаток, соблюдение запретов (на употребление вина), строгость нравов, взаимопомощь, открытость в общении. Современники отмечали также их честность. Молокане с. Максимовка (Коржевка), например, были известны в крае благодаря производству кушаков на продажу, выпечке хлеба [Ведерникова, 2012, с. 45–52].

Религиозные различия не могли не сказаться на межэтнических отношениях и судьбе самих конфессий. Известный публицист и литературный критик Н.В. Щелгунов отмечал в середине XIX в.: «Понятно, что православие, окруженное таким сильным сектантством, едва ли в состоянии сохраняться в чистоте. Но, с другой стороны, соблазн, окружающий православие, и необходимость призадуматься порождает и более крепкое православное убеждение. Здесь всякая секта и всякая вера машет на другую рукой, и все вражат друг другу: на молокан же смотрят как на отщепенцев» (цит. по:[Ведерникова, 2012, с.49]). Неприязненные отношения складывались между старообрядцами и молоканами («старообрядцы... фанатично ненавидят молокан»), старообрядцами и православными.

Таким образом, конфессиональные различия раскалывали этнические общины, части которой могли быть территориально и культурно обособлены, при этом устойчивость «границ» зависела от характера религиозных и этнокультурных различий; в ряде случаев конфессиональные группы поддерживали с соплеменниками в пределах селения социокультурные контакты, ограниченные в основном производственной и бытовой сферой.

Заключение

Межкультурное взаимодействие в Самарском Заволжье исторически определялось не только этническими, но и в значительной степени религиозными различиями контактирующих групп. Этнически и конфессионально смешанные селения являлись основной площадкой для общения, варьировавшегося от взаимной вражды и социокультурной изоляции до ассимиляции одной общности другой. Православие и ислам исторически выступали в регионе фактором консолидации этнических групп в рамках конфессий и одновременно причиной разрушения этнических «границ», формирования надэтнических социокультурных пространств (храм, кладбище, сельское поселение, семейно-родственный круг, общие праздники и обряды и т.д.). Следствием такой направленности действия религиозного фактора являлись ассимиляционные процессы (русификация мордвы и чувашей, отатаривание чувашей). В то же время конфессиональные различия разобщали этнические группы и/или их части, способствовали их относительной взаимной социокультурной изоляции при сохранении необходимого уровня межгрупповой коммуникации в производственной и социальной сферах; восприятие конфессиональных различий при этом варьировалось от толерантности до открытой неприязни и вражды. Эти закономерности влияния религиозного фактора на развитие межэтнических отношений сохранились и в современности.

Примечания

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Самарской области в рамках научного проекта № 18-49-630002 «Этнические группы в межкультурном пограничье в Самарском Заволжье: исторический опыт взаимодействия и современные процессы».

Список источников

- Ведомость о составе и количестве населения православных приходов Самарской епархии, имеющих инородцев за 1899 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1900. № 6. С. 22–23.
 Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 528. Л. 2–12.
Иванов А. Из истории христианского просвещения Самарской епархии во второй половине XIX в. // Православный благовестник. 1900. № 13. С. 173.
Иванов А. Фанатизм татар-мусульман, как главное препятствие успешной проповеди христианской веры среди инородцев // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 23. С. 989–990.
Комиссаров Г. И. Религиозное состояние чуваш в XIX веке // Православный благовестник. 1913. № 19. С. 532–672.
Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. Б.М.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1860. 96 с.
 Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. III. Д.182. Л.252 (Материалы комплексной экспедиции ЧНИИ 1961 г.).
 Отчет Православного миссионерского общества за 1901 г. // Православный благовестник. 1902. № 17–18. С. 80–81.
 Отчет Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1904 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 11. С.1–6.
 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Центральный стат. комитет Мин-ва внутр. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Б.и., 1904. Т. 36: Самарская губерния. 201 с.
 Полевые материалы автора (ПМА) 1, 1997–2018. Самарская область: Иса克林ский, Клявлинский, Кошкинский, Похвистевский, Сергиевский, Челно-Вершинский, Шенталинский районы. ПМА 2, 2000. Оренбургская область: Сорочинский и Грачевский районы.
 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 622, 624.
 Российский этнографический музей (РЭМ). Колл. 968.
 Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии /Изд. Самарского губ. земства. Самара: Б. и., 1892. Т. 8 (Вып. 1). 251 с.
Соловьев Я.А. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии // Журнал Мин-ва гос. имуществ. 1857. № 3. С. 204–245.

Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г. / сост. П.В. Кругликов; Изд. Самарского губ. стат. комитета. Самара: Б. и., 1890. 297 с.

Список населенных мест Самарской губернии, составленный в 1900 году секретарем Самарского губ. стат. комитета И.А. Протопоповым. Самара: Б. и., 1900. 520 с.

Статистические таблицы Самарской губернии. Отд. I: Состав народонаселения Самарской губернии по племенам / Самарский губ. стат. комитет. Самара: Б. и., 1870. 293 с.

Библиографический список

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. № 3. С.3–19.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя. 576 с.

Ведерникова Т.И. Молоканские общины Самарского края в XIX–XXI вв. // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Никишенков. (Труды ист. фак. МГУ. 2012. Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования. С. 42–52).

Ведерникова Т.И., Филатова Я.И. Духовные стихи в культовой и обрядовой практике самарских молокан // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: Сб. статей / отв. ред. Е.А. Ягафова. Самара: Б.и., 2016. С. 85–89.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциол. очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

Гузенкова Т.С. Межэтнические контакты и этнокультурные процессы (по материалам о народах Урало-Поволжья) // Расы и народы. М.: Наука, 1983. Вып. 13. С. 99–113.

Данилко Е.С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 54–65.

Демидов А.Н. Русско-мордовское межэтническое взаимодействие в Самарском Заволжье на примере с. Каменка Самарского уезда: историко-краеведческий аспект // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 27–28 сентября 2018 г. / отв. ред. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Б. и., 2018. С. 171–179.

Демидов А.Н. Мордовская и русская общины села Большая Каменка Самарского уезда (по материалам призывных списков конца XIX – начала XX века) // Бусыгинские чтения / отв. ред. В.И. Яковлев. Казань: Б. и., 2018. Вып. 11. С. 85–89.

Дробижьева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Б. и., 2003. 376 с.

Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.

Иванов В.П. Чувашская диаспора: расселение и численность: Этногеографический справочник. Чебоксары: Б. и., 1999. 316 с.

Козлов В.И. Этнос, нация, национализм. Сущность и проблематика М.: Старый сад, 1999. 341 с.

Козлова К.И. Проблемы изучения контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск: Б. и., 1976. С. 39–48.

Коростелев А.Д. Локальные особенности этнокультурных взаимодействий в Урало-Поволжском регионе // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях: Сб. статей / ред. М.Н. Губогло. М.: Б. и., 2005. С. 54–62.

Коростелев А.Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007, 2008 гг.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 22–34.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Мордва Заволжья / ред. В.И. Козлов. Саранск: Б. и., 1994. 184 с.

Мы и как удмурты, и как чувашаи... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: Сб. статей / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: Б. и., 2007. 198 с.

Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях: Сб. статей / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: Б. и., 2009. 221 с.

Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 39–48.

Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тюганкова Е.В. Социокультурная адаптация мордвы Самарского края (середина XIX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2014. 208 с.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / отв. ред. Ф. Барт. М.: Нов.изд-во, 2006. 200 с.

Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / отв. ред. Е.А. Ягафова. Самара: Изд-во Поволжской гос. соц.-гуманит. академии, 2010. 366 с.

Ягафова Е.А. Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX в. Самара: Б. и., 1998. 368 с.

Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI в. Самара: Б. и., 2007. 128 с.

Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhunderts. Köln; Wien; München, 1982. 571 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.05.2019

ETHNICITY AND RELIGIOSITY IN INTERCULTURAL INTERACTIONS IN SAMARA TRANS-VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

E. A. Iagafova

Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorky str., 65/67, 443099, Samara, Russia
yagafova@yandex.ru

The article discusses the influence of ethnic and religious factors on intercultural interactions in Samara Trans-Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The analysis of inter-ethnic contacts was made taking into account the national and confessional composition of the region's population and the nature of settlement in mixed villages and groups of villages. The study is based on archival and published sources, including statistical data, as well as on the author's field materials (Samara region, 1997–2018). Intercultural interaction in Samara Trans-Volga region has historically been determined not only by ethnic, but largely by religious differences of contacting groups. Ethnically and confessionally mixed settlements were the main platform for communication, ranging from mutual hostility and socio-cultural isolation to the assimilation of one community by another. Historically, Orthodoxy and Islam acted as factors in consolidating ethnic groups within confessions in the region and, at the same time, as the reasons for the destruction of ethnic “boundaries” and formation of supra-ethnic sociocultural spaces (temple, cemetery, rural settlement, family-related circle, common holidays and rituals, etc.). Such an orientation of the religious factor resulted in assimilation processes (russification of the Mordovians and the Chuvash, tatarization of the Chuvash, etc.). At the same time, confessional differences separated ethnic groups and / or parts of one group, contributed to their relative mutual socio-cultural isolation, while maintaining the necessary level of intergroup communication in industrial and social spheres. Perception of confessional differences varied from tolerance to open hostility and enmity. These patterns of influence of the religious factor on the development of inter-ethnic relations are still relevant today.

Key words: ethnicity, religiosity, interethnic relations, Samara Trans-Volga region.

References

Arutyunov, S.A. (1989). *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystviye* [Peoples and cultures: development and interaction], Nauka, Moscow, Russia, 247 p.

Arutyunyan, Yu.V. (1972), “Socio-cultural aspects of the development and convergence of nations in the USSR (programme, methodology and research prospects)”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 3–19.

Bart, F. (ed.) (2006), *Eticheskiye gruppy i sotsial'nyye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference], Novoye izdatel'stvo, Moscow, Russia, 200 p.

Bromley, Yu.V. (1983), *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos], Nauka, Moscow, Russia, 418 p.

Brubeyker, R. (2012), *Etichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups], Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 408 p.

Burd'ye, P. (2005), *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices], Institut eksperimental'noy sotsiologii, Moscow, Aleteyya, St. Petersburg, Russia, 576 p.

- Guboglo, M.N. (2003), *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskiye ocherki* [Identity identification: ethnosociological essays], Nauka, Moscow, Russia, 764 p.
- Guzenkova, T.S. (1983), "Interethnic contacts and ethnocultural processes (on materials of the Ural-Volga peoples)", in Grigulevich, I.R. (ed.) *Rasy i narody* [Races and peoples], vol. 13, Nauka, Moscow, Russia, pp. 99–113.
- Danilko, E.S. (2010), "The Tatars in ethnically mixed settlements of the Ural-Volga region: features of intercultural interactions", *Etnograficheskoye obozreniye*, № 6, pp. 54–65.
- Demidov, A.N. (2018), "Russian-Mordovian interethnic interaction in the Samara Trans-Volga region on the example of the village of Kamenka of the Samara district: historical and local history aspect", in Mukhametzyanova-Duggal, R.M. (ed.), *ETNOS. OBSHCHESTVO. TSIVILIZATSIYA: V Kuzeyevskiyeh chteniya* [ETHNOS. SOCIETY. CIVILIZATION: V Kuzeev Readings], IEI UFITS RAN, Ufa, Russia, pp. 171–179.
- Demidov, A.N. (2018), "Mordovian and Russian communities of the village of Bolshaya Kamenka, Samara district (based on the materials of the recruiting lists of the late 19th– early 20th centuries)", in Yakovlev, V.I. (ed.), *Busygin'skiye chteniya* [Busygin Readings], vol. 11, KGU, Kazan, Russia, pp. 85–89.
- Drobizheva, L.M. (2003), *Sotsial'nyye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii* [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia], Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey, Moscow, Russia, 376 p.
- Ivanov, V.P. (1999), *Chuvashskaya diaspora: rasseleniye i chislennost'*. *Etnogeograficheskiy spravochnik* [Chuvash diaspora: settlement and population. Ethno-geographical reference book], CHGIGN, Cheboksary, Russia, 316 p.
- Kappeler, A. (1982), *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*, Köln – Wien – München, Austria – Germany, 571 p.
- Kozlov, V.I. (1999), *Enos, natsiya, natsionalizm. Sushchnost' i problematika* [Ethnicity, nation, nationalism. Essence and problems], Staryy sad, Moscow, Russia, 341 p.
- Kozlova, K.I. (1976), "Problems in the study of the contact zones of the Middle Volga", in Vladykin, V.E. (ed.), *Voprosy etnografii Udmurtii* [Ethnographic issues of Udmurtia], UdNII IELYA, Izhevsk, Russia, pp. 39–48.
- Korostelev, A.D. (2005), "Local features of ethnic and cultural interactions in the Ural-Volga region", in Guboglo, M.N. (ed.), *Russkiy yazyk v tyurko-slavyanskikh etnokul'turnykh vzaimodeystviyakh* [Russian language in Turkic-Slavic ethnocultural interactions], IEA RAN, Moscow, Russia, pp. 54–62.
- Korostelev, A.D. (ed.) (2007), *My i kak udmurty, i kak chuvashi... Vzaimnaya sotsial'no-kul'turnaya adaptatsiya v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya* [We are both Udmurts and Chuvashs ... Mutual social and cultural adaptation in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region], RUDN, Moscow, Russia, 198 p.
- Korostelev, A.D. (ed.) (2009), *Opyt vzaimodeystviya i vzaimnoy adaptatsii v etnicheski smeshannykh seleniyakh* [Experience of interaction and mutual adaptation in ethnically mixed villages], RUDN, Moscow, Russia, 221 p.
- Korostelev, A.D. (2010), "Inter-ethnic marriages in ethnically mixed villages of the Urals and the Volga region (based on expeditions in 2006, 2007, 2008)", *Etnograficheskoye obozreniye*, № 6, pp. 22–34.
- Kozlov, V.I. (ed.) (1994), *Mordva Zavolzh'ya* [Mordva of the Trans-Volga region], NIYALIE, Saransk, Russia, 184 p.
- Kuzeyev, R.G. (1992), *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga and Southern Urals: Ethnogenetic view on history], Nauka, Moscow, Russia, 347 p.
- Pimenov, V.V. (1979), "Ural-Volga historical and ethnographic region", in Bromley, Yu.V. (ed.), *Problemy tipologii v etnografii* [Problems of typology in ethnography], Nauka, Moscow, Russia, pp. 39–48.
- Susokolov, A.A. (1987), *Mezhnatsional'nyye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR], Mysl', Moscow, Russia, 142 p.
- Tishkov, V.A. (2003), *Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnicity: Studies in socio-cultural anthropology], Nauka, Moscow, Russia, 544 p.
- Tyugankova, E.V. (2014), *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya mordvy Samarskogo kraya (seredina XIX – nachalo XXI vv.)* [Socio-cultural adaptation of the Mordovians of the Samara Region (mid-19th – early 21st centuries)], PhD dissertation, Chuvash State University, Saransk, Russia, 208 p.
- Zorin, N.V. (2001), *Russkiy svadebnyy ritual* [Russian wedding ritual], Nauka, Moscow, Russia, 248 p.
- Vedernikova T.I. (2012), "Molokan community of Samara region in the 19th – 21st centuries", in Nikishenkov, A.A. (ed.), *Etnokul'turnyye protsessy v proshlom i nastoyashchem* [Ethnocultural processes in the past and present], MSU, Moscow, Russia, pp. 42–52.
- Vedernikova, T.I. & Ya.I. Filatova (2016), "Spiritual verses in the cult and ritual practice of the Samara Molokans", in Yagafova, E.A. (ed.), *Prazdniki i obryady v Uralo-Povolzh'ye: traditsii i novatsii v sovremennoy kul'ture* [Holidays and rites in the Volga-Ural region: traditions and innovations in modern culture], SGSPU, Samara, Russia, pp. 85–89.
- Yagafova, E.A. (1998), *Samarskiye chuvashi (istoriko-etnograficheskiye ocherki). Konets XVII – nachalo XX v.* [Samara Chuvash (historical and ethnographic essays). Late 17th – early 20th century], SamVen, Samara, Russia, 368 p.
- Yagafova, E.A. (2007), *Chuvashskoye «yazychestvo» v XVIII – nachale XXI v.* [Chuvash "paganism" in the 18th – early 21st century], SGPU, Samara, Russia, 128 p.
- Yagafova, E.A. (ed.) (2010), *Etnokonfessional'nyye men'shinstva narodov Uralo-Povolzh'ya* [Ethnoconfessional minorities of the peoples of the Ural-Volga region], PGSGA, Samara, Russia, 366 pp.